

УДК 801.318

**РОЛЬ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОЗДАНИИ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО
ЭФФЕКТА В ЛИТЕРАТУРНОМ АНЕКДОТЕ**

Е.Ф. Арсентьева

Аннотация

В статье описаны наиболее важные модели контекстуального стилистического использования фразеологических единиц, в частности – в литературном анекдоте. Расширенная метафора, фразеологические каламбуры, фразеологические повторы рассматриваются как выразительные средства создания юмористического эффекта в литературных анекдотах.

Глубокое изучение фразеологии любого языка включает в себя не только анализ семантических особенностей фразеологических единиц (ФЕ) в «статик», но и стремление проникнуть в суть механизма контекстуальных преобразований ФЕ. Именно исследование поведения фразеологизмов в реальном тексте позволяет по-настоящему оценить когнитивный потенциал ФЕ и те творческие возможности, которые непосредственно раскрываются при обыгрывании метафорического образа, лежащего в основе фразеологической номинации.

В отличие от английского языка, в котором игра слов и творческое использование языка всегда были неотъемлемой частью национальной культуры, фразеологические единицы в русском языке рассматривались как квинтэссенция мудрости многих поколений, что, естественно, находило свое отражение в преимущественном использовании устоявшихся «словарных» форм ФЕ. В настоящее время существует двойственное отношение ученых к подобным преобразованиям фразеологизмов. С одной стороны, подобные преобразования рассматриваются как отклонения от нормы и, следовательно, подвергаются открытой критике. С другой стороны, контекстуальное обыгрывание ФЕ приветствуется как неисчерпаемый источник творческой фантазии носителей языка.

Поиск причины подобного двойственного отношения к контекстуальным преобразованиям фразеологических единиц приводит нас к трудам Фердинанда де Соссюра [Соссюр 1915]. В своем основополагающем труде “Cours de linguistique générale” Ф. де Соссюр вводит разграничение между la langue и la parole, понимая под первым систему как нечто необходимое для всех членов языкового сообщества, неизменяемое и не зависящее от индивидуальных стремлений носителей языка, под вторым – языковое действие, основанное на волеизъявлении и интеллектуальных способностях индивидуумов и служащее их личным потребностям. Впоследствии творчески развитое учеником Ф. де Соссюра

Шарлем Балли учение о *la parole* включает в качестве основы положение о языке, «...пропитанном человеческими чувствами и стремлениями, существующими только для того, чтобы выполнять цели самой жизни» [Graham 1969: 125–126].

Творческое использование фразеологических единиц, которое можно также рассматривать как использование ФЕ в *la parole*, являлось предметом изучения ряда исследователей. Первым, кто затронул проблему окказиональных изменений фразеологизмов, был российский ученый А.В. Кунин [Кунин 1969; 1970]. Введенные им термины «узусальное употребление» и «окказиональное употребление» ФЕ до сих пор широко используются в трудах отечественных лингвистов, в первую очередь учеников А.В. Кунина.

Работа Фрейзера “*Idioms within a Transformational Grammar*” посвящена изучению трансформационного потенциала идиом [Frazer 1970]. Ученым предлагается шестиуровневая иерархия, или шкала измерения, трансформационного поведения устойчивых выражений в речи от абсолютно застывших единиц (нулевой уровень) до выражений, позволяющих неограниченные модификации (шестой уровень). Практическим воплощением данной теории являются два словаря: *Oxford Dictionary of Current Idiomatic English (ODCIE)* (1975, 1983) и *Longman Dictionary of English Idioms (LDEI)* (1979), в которых представлены трансформационные ограничения всех зафиксированных в словарях идиом.

Различные виды структурных изменений идиом в пределах предложения были исследованы австралийским лингвистом Читра Фернандо [Chitra 1976]. Включения, замещения, перемещения и опущение компонентов ФЕ были изучены с позиции коммуникативных потребностей носителей языка. Таким образом, все виды трансформаций рассматривались как средство разложения идиом вследствие относительной прозрачности переносного значения идиом для носителей английского языка.

Значительную ценность для исследователей контекстуальных преобразований представляет монография латышского ученого А. Начисчионе, опубликованная в 2001 году [Naciscione 2001]. Учитывая последние достижения в области дискурсивного анализа, А. Начисчионе исследует дискурсно-основанное (*discourse-based*) поведение фразеологических единиц и роль преобразованных единиц в создании текстовых значений. В качестве четырех основных видов трансформаций ФЕ (по терминологии автора, *instantial stylistic use of phraseological units in discourse*) представлены расширенная метафора, фразеологическая игра слов, разорванное использование ФЕ и фразеологическая аллюзия. Дискурсное использование фразеологизмов рассматривается одновременно как процесс и результат, отвечающие потребностям дискурсного окружения и, таким образом, способствующие текстовой организации дискурса и созданию единого дискурса.

Роль метафоры в создании фразеологического значения неоднократно подчеркивалась исследователями фразеологии различных языков. Ее роль значительно возрастает при контекстуальном использовании ФЕ. Согласно последним исследованиям, буквальное значение слова, использованного в переносном смысле, не только не исчезает, но и играет значительную роль в интерпретации метафоры; следовательно, метафоры, лежащие в основе создания

фразеологического значения, являются «живыми» для носителей языка и составляют важную часть их концептуальной системы. Лингвистическое обыгрывание буквального и переносного значения ФЕ, равно как и расширение метафорического образа, являются, таким образом, логическими приемами концептуального механизма творческого использования языка.

Несмотря на отмеченную ранее ограниченность контекстуального использования русских фразеологических единиц, специфические особенности ряда жанров «позволяют» осуществить подобные преобразования. Анекдот как литературный жанр, в основе которого лежит закон пуанты, представляет собой прекрасный образец осуществления подобных преобразований.

«В России анекдот как литературный жанр стал утверждаться в середине XVIII столетия. Воспринятый в ходе усвоения европейской (в первую очередь французской) традиции, в процессе ориентации на светскую культуру общения он достаточно быстро соединился с богатейшим национальным опытом, во-первых, в частности, в себя целый ряд живых особенностей русского народного анекдота. В результате возникло явление весьма органичное и своеобразное, хотя вместе с тем и существующее в рамках определенной культурной нормы» [Курганов 1990: 31].

Необходимым требованием к анекдоту было требование неизвестности, неизведанности, новизны, основанной на столкновении. «С первого же момента развертывания текста в анекдоте закладывается определенная система логических связей. В финале она должна быть резко, энергично смещена, столкнувшись с принципиально иной системой связей. Анекдот начинает играть, искриться. При этом обнаруживаются некие внутренние смыслы, которые прежде были в тени, не ощущались и, главное, не выделялись. Именно столкновение и актуализирует скрытые смыслы. Текст обретает конструктивное завершение, достигает эстетической полноты» [Курганов 1990: 33].

Особое построение анекдота, необыкновенный динамизм и столкновение во многом определяют закон пуанты, т. е. механизм, благодаря которому заново вызывается и совершенно по-новому окрашивается начало текста. Одновременное использование прямого и переносного фразеологического значения, обыгрывание метафоры является одним из самых распространенных способов осуществления закона пуанты. Как отмечает Е. Курганов, несочетаемость двух определенных типов значений, которые становятся рядом, сопрягаются по контрасту – важнейшая черта поэтики анекдота [Курганов 1990]. В следующих двух анекдотах одновременная реализация фразеологического и буквального значения фразеологических единиц «без головы» и «водить за нос кого» ведет к созданию юмористического эффекта:

«В одном обществе толковали о привидениях, которых Педрилло отвергал положительно. Но сосед его, какой-то придворный, утверждал, что сам видал дважды при лунном свете человека **без головы**, который должен быть не что иное, как привидение одного зарезанного старика.

– А я убежден, что этот человек **без головы** – просто ваша тень, господин гоф-юнкер, сказал Педрилло» [Курганов 1990].

«Во время коронации Анны Иоанновны, когда государыня из Успенского собора пришла в Грановитую палату, которой внутренность старец описал с

удивительной точностью, и поместилась на троне, вся свита установилась на свои места, то вдруг государыня встала и с важностью сошла со ступеней трона. Все изумились, в церемониале этого указано не было. Она прямо подошла к князю Василию Лукичу Долгорукову, взяла его **за нос**, – «**нос** был большой, батюшка», – пояснил старец, – и повела его около среднего столба, которым поддерживаются своды. Обвела кругом и остановясь против портрета Грозного, она спросила:

– Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?

– Знаю, матушка государыня!

– Чей он?

– Царя Ивана Васильевича, матушка.

– Ну так знай же и то, что хотя баба, да такая же буду, как он: вас семеро дураков собрались **водить** меня **за нос**, но я тебя прежде **провела**, убирайся сейчас в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло!»

Использование расширенной метафоры, лежащей в основе образа фразеологической единицы, с одновременной демегафоризацией является действенным средством создания юмористического эффекта. В то же время полное понимание возникающих дополнительных образов невозможно без знания значения фразеологической единицы, использованной в контексте. В следующем примере заключительная реплика, содержащая расширенную метафору, придает совершенно иное эмоционально-психологическое измерение всему анекдоту:

«Сергей Григорьевич <Строганов> жил у брата своего, министра внутренних дел. Я входил в залу в то самое время, как Строганов выходил. Он был в белых штанах и во всех своих регалиях, лента через плечо; он ехал во дворец. Увидя меня, он остановился и, отведя меня в сторону, стал расспрашивать о моем деле. Он и его брат были возмущены безобразием моей ссылки.

Это было во время болезни моей жены, несколько дней после рождения малютки, который умер. Должно быть, в моих глазах, словах было видно большое негодование или раздражение, потому что Строганов вдруг стал меня уговаривать, чтобы я переносил испытания с христианской кротостью.

– Поверьте, – говорил он, – каждому на свой пай достанется **нести крест**.

«Даже и очень много иногда, – подумал я, глядя на всевозможные **кресты и крестики**, застилавшие его грудь».

Интересно отметить, что в литературных анекдотах закон пуанты основан не на незнании или непонимании фразеологического значения, а на сознательной авторской установке, реальной игре с переносным и прямым значением, ведущей к столкновению не совпадающих друг с другом эмоционально-психологических структур. Создается впечатление, что герои анекдота с удовольствием играют двумя значениями, создавая в финале резкую смену словых значений:

«Однажды Екатерина ехала из Петербурга в Царское Село, до которого верстах в двух сломалось колесо в ее карете. Императрица, выглянув из кареты, громко сказала: «Уж я Левушке (так называла она Л<ьва> Александровича) **вымою голову**». Лев Александрович выпрыгнул из коляски, прокрался стороной до въезда в Царское Село, **вылил на голову ведро воды** и стал как вко-

панный. Между тем колесо уладили, Екатерина подъезжает, видит Нарышкина, с которого струилась вода, и говорит:

– Что ты это, Левушка?

– А что, матушка! Ведь ты хотела мне **вымывать голову**. Зная, что у тебя и без моей головы много забот, я сам **вымыл её**».

Сознательное наложение прямого значения на переносное фразеологическое с повтором также используется в следующем анекдоте:

«Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал: «Главкомандующий приказал доложить Вашему Сиятельству, что неприятель у нас **на носу**, и просит вас немедленно отступить». Багратион отвечал: «Неприятель у нас **на носу**? на чем? если **на вашем**, так он близко; а коли **на моем**, так мы успеем еще отобедать».

Литературный анекдот – это «...не только и не просто игра. Он важен и интересен как своеобразная летопись времени, живая, необычно колоритная, психологически достоверная в лучших своих образцах доставляющая чисто эстетическое наслаждение» [Курганов 1990: 34]. Знание исторических персонажей, событий и реалий позволяют современным читателям раскрыть затемненный образ и по-настоящему насладиться эффектом стилистического приема наложения двух значений:

«Когда Михаил Орлов, посланный в Копенгаген с дипломатическим поручением возвратился в Россию с **орденом Данекброга**, кто-то спросил его в Московском Английском клубе: «Что же, ты очень радуешься салфетке своей?» – «Да», – отвечал Орлов, – она мне может пригодиться, чтобы **утереть нос** первому, кто осмелится позабыться передо мною».

Фразеологическое насыщение контекста, включающее в себя в приводимом ниже примере дематафоризацию, расширенную метафору и повторение, не только способствует созданию юмористического эффекта, но и придает всему анекдоту подлинный эстетический эффект:

«По окончании Крымской кампании князь Меншиков, проезжая через Москву, посетил А.П. Ермолова и, поравнявшись с ним, сказал:

– Давно мы с вами не видались!... с тех пор **много воды утекло!**

– Да, князь! Правда, что **много воды утекло! Даже Дунай уплыл от нас!** – отвечал Ермолов».

Таким образом, контекстуальные преобразования ФЕ, лежащие в основе закона пуанты в русском литературном анекдоте, представляют собой универсальное семантическое явление. Наложение прямого и переносного значений, расширенная метафора часто в сочетании с повторением являются прекрасным средством создания юмористического эффекта. В целом, изучение контекстуального использования фразеологических единиц в различных жанрах, в нашем случае – в жанре литературного анекдота конца XVIII – начала XX века, позволяют нам лучше понять взаимоотношения ФЕ в вечной дихотомии *la langue* и *la parole*.

Summary

E.F. Arsentyeva. The role of contextual transformations of phraseological units in producing a humorous effect in literary anecdote.

The paper presents the study of the most important patterns of contextual stylistic use of phraseological units, in general, and in literary anecdote, in particular. Extended metaphor, phraseological puns and sometimes phraseological reiteration are regarded to be excellent means of producing a humorous effect in literary anecdotes and expressing one's linguistic creativity.

Литература

1. *Де Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. – М., 1915.
2. *Кунин А.В.* Основные понятия фразеологической стилистики // Проблемы лингвистической стилистики. – М.: МПИИЯ, 1969. – С. 71–85.
3. *Кунин А.В.* Английская фразеология: теоретический курс. – М.: Высш. шк., 1970.
4. *Курганов Е.* Анекдот как жанр. – М.: Худож. лит-ра, 1990.
5. *Chitra F.* Idioms and Idiomaticity. – Oxford University Press, 1996.
6. *Fraser B.* Idioms within a transformational grammar // Foundations of Languages. – 1970. – No 6. – P. 22–42.
7. *Graham H.* Style and stylistics. – London: Routledge, Kegan Paul, 1969.
8. *Naciscione A.* Phraseological units in discourse: towards applied stylistics. – Riga: Latvian Academy of Culture, 2001.
9. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English (ODCIE). – London: Oxford University Press, 1975. – V. 1.
10. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English (ODCIE). – London: Oxford University Press, 1983. – V. 2.
11. Longman Dictionary of English Idioms (LDEI). – Bath: Longman, 1979.

Поступила в редакцию
21.02.05

Арсентьева Елена Фридриховна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романо-германской филологии Казанского государственного университета.

E-mail: Elena.Arsentieva@ksu.ru